

An artistic illustration of two young women. The woman in the foreground has long, dark, wavy hair and blue eyes, looking directly at the viewer with a slight smile. She is wearing a light-colored top and small hoop earrings. The woman in the background has long, light-colored, wavy hair and is looking down with a soft expression. She is wearing a dark jacket. The background is a dark, teal-blue color with small, glowing yellow stars. The overall mood is romantic and dreamy.

ТОРИ
РУ

ШУМ
ДОЖДЯ

Тори Ру
Шум дождя

«Литнет»

2025

Ру Т.

Шум дождя / Т. Ру — «Литнет», 2025

Варе шестнадцать, но она вынуждена круто изменить свою жизнь. Впереди — переезд в другой город, новые друзья, первая любовь и горькие разочарования. А еще — ожившие городские легенды, мистические совпадения и загадочный незнакомец, который всегда приходит на помощь. Мечты, откровения и признания под шум летнего дождя.

Содержание

1	5
2	6
3	8
4	11
5	14
6	17
7	20
8	23
9	26
10	28
11	32
12	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

1

— Варвара, поторапливайся! — бодро командует отец, проходя мимо моей запертой двери, но я как можно медленнее застегиваю сумку и из чувства протеста не откликаюсь.
Папа редко обращается ко мне полным именем, и оно вызывает во мне граничащий с оторопью диссонанс. В воображении тут же рисуется статная и румяная русоволосая красавица, умеющая постоять за себя, а не мелкое, до прозрачности худое существо с вечно испуганными синими глазами и черным коротким каре, запрятанное в складках свободных худи, свитеров и мешковатых штанов. А я именно такой и являюсь.
Временами я разбавляю черноту на голове цветными прядями, закалываю их невидимками с черепами и цветочками и меняю джинсы на юбочки, но неизменно предпочитаю, чтобы меня звали просто Варя. Ну, или... вообще никак не звали.
Не дождавшись ответа, папа настойчиво стучит в дверь. Его энтузиазм напрягает, но стадии торга и депрессии в моей душе уже прошли. Что плохого в том, что мой одинокий родитель желает поскорее воссоединиться со своей любовью, Анной, и начать новую жизнь?.. Это я вовсе не уверена, что готова покончить со старой.
Опускаюсь на пол, упираюсь затылком в стену и долго рассматриваю пустые полки моих стеллажей. Вещи и книги, населявшие их, уже на подъезде к другому городу, и встречу я с ними в квартире, которую папа и Анна, поднажившись, совместно приобрели для всех нас.
Тоска до боли стискивает грудь, я зажмуриваюсь и тихонько дышу ртом.
Здесь остаются лишь мои старые рисунки, приклеенные скотчем к оранжевым обоям, люстра с разноцветной подсветкой и россыпь золотистых зерен на подоконнике. Прямо под раскрытой форточкой, в которую я два часа назад выпустила своего любимчика и лучшего друга — белого голубя Васю.
Память о прикосновении к его хрупкому теплomu тельцу и мягким перьям до сих пор согревает руки, и я беззвучно реву. Но Анна когда то едва не умерла от орнитоза и страшно боится подхватить его снова, а у ее дочери Лизы сильнейшая аллергия на птиц.
— Варь, время! Надо выехать засветло! — голос отца приобретает стальной оттенок, и я отзываюсь:
— Иду я, пап...
Я беру себя в руки, дергаю за «собачку» на молнии сумки, поднимаюсь и отряхиваю джинсы.
В течение полугода мы с папой обстоятельно взвешивали все за и против, прислушивались к пожеланиям друг друга, и теперь я не имею права его подвести.
Да и опасаться мне нечего: на каникулах я несколько раз бывала в том городе, и он мало отличается от нашего. Анна — веселая, увлеченная и эксцентричная дама, а вечно мрачная Лиза, хоть и не в восторге от прирастания семьи «всяким детским садом» в моем лице, все же покорила воле родителей.
Узрев меня в прихожей, папа нервно улыбается, о чем-то вдруг припоминает и в десятый раз обегает наше опустевшее жилище. Плотнее закрывает форточки, проверяет краны на батареях, зашторивает окна и, наконец, удовлетворенно выдыхает. Теперь тут надолго поселятся квартиранты.
— Ну, все, Юша. Поехали! — он треплет жесткие волосы на моей макушке, отбирает у меня сумку, терпеливо ждет, пока я втисну ноги в потертые кеды, и легонько подталкивает меня к выходу.

2

Юша. Так звала меня любимая бабушка, потому что в детстве я не выговаривала сложное и заковыристое «Варюша». А папа использует это имя, когда нужно меня умаслить или поддержать.

— Пап, все правда нормально! — зачем-то заверяю я, и он быстро кивает. Забрасывает мою сумку в багажник старенькой иномарки, открывает передо мной правую заднюю дверцу, и я ныряю в уютный салон.

Нашей машине много лет, но она проворно скользит по раскаленному полотну дороги и лихо обгоняет тихоходные автобусы. Папа врубает кондиционер, прибавляет громкость радио, весьма стройно подпевает Стингу и задорно подмигивает мне в зеркальце.

Но я не присоединяюсь и отворачиваюсь к окну.

Оживленные городские улицы сменяются одноэтажными домиками садового товарищества, пустырем и заброшенными дачами, а после них до самого горизонта стелются нежно-зеленые поля, накрытые куполом насыщенно-синего неба.

Я вижу едва заметную белую точку, парящую в вышине, и воспоминания о Васе снова режут по живому.

«Лети, малыш! Далеко-далеко... И... прости меня, ладно?»

Сколько себя помню, меня точит тоска по чему-то нездешнему, светлому, свободному и трепетно-прекрасному. Она не делает меня грустнее и несчастнее, просто живет во мне, сопровождая каждую мысль и каждый шаг. А еще я с детства помешана на белых голубях, и раньше постоянно их рисовала. Моя заикленность по-настоящему пугает папу, и я, пожалев его, оставила рисунки в старой квартире.

Даже хорошо, что теперь я не могу рисовать, потому что не в состоянии нормально удерживать кисть и карандаш.

Папа тормозит у заправки и идет в сияющий неонем павильон, но вскоре возвращается с двумя стаканчиками кофе и парой горячих хот-догов.

С подозрением кошусь на промасленную бумагу и подумываю отказаться, но папа смотрит так умоляюще, что я забираю свою порцию, откусываю щедрый кусок от булки и мгновенно понимаю, что зверски голодна.

— Спасибо! Это божественно! — чавкая и давясь, приговариваю я. На папины глаза наворачиваются слезы умиления.

— Только, к сожалению, это ужасно вредно, Варь. Ничего, скоро начнем питаться не только вкусно, но и полезно.

Он опять вырывается на шоссе и теперь подпевает Кори Тейлору, а я наслаждаюсь терпким, густым, обжигающим кофе. Вообще-то папа тоже мой друг — он спокойный, веселый и добрый, и режим душного родителя никогда не включает. Сегодня утром он вместе со мной плакал в голос и уверял, что Вася обязательно найдет свою голубятню, из которой когда-то улетел.

Я вздыхаю: папа прав. Вася давно бы в нее вернулся, если бы не попал в лапы к кошке и не был мною спасен. Умение вовремя отпустить — полезный навык.

Тогда отчего же мне все еще горько, и щиплет веки?..

Мой папа — вообще уникал. Начнем с того, что ему всего тридцать три. В школе он был круглым отличником и до беспамятства любил мою маму — первую красавицу и заядлую тусовщицу. Она отвечала взаимностью, но любовная лодка в щепки разбилась, как только выяснилось, что на свет собираюсь появиться я. Случился страшный скандал с безобразным выяснением отношений. Мама мамы выставила папу за дверь и строго-настрого запретила ему навещать их благородное семейство. Вместо того чтобы танцевать на школьном выпускном и

отрываться на студенческих вечеринках, мама добросовестно варила мне каши и меняла подгузники, но в один из моментов что-то пошло не так. Я прожила с ней два года, а потом папа и бабушка забрали меня к себе.

А мама уехала в другой город и жизнью дочки с тех пор не интересуется.

Но я не страдаю и никогда не переживала на этот счет. В последнее время мы с папой страдаем только из-за потери бабушки.

С ней, Варварой Степановной, преподавателем вуза и исследователем в области культурологии, мы были особенно близки. Она понимала меня без слов, жалела, была в курсе всех моих дел, рассказывала современные притчи и городские легенды, которые всю жизнь собирала, анализировала и даже защитила по ним диссертацию. Когда я была маленькой, могла часами слушать их перед сном.

Я до сих пор перебираю их в памяти и потихоньку записываю в блокнот.

Ничто не предвещало беды. Не было ни зловещих примет, ни вещих снов, ни тяжелых предчувствий. Морозным январским утром мы, как обычно, ждали свой транспорт на остановке, и в толпу людей на бешеной скорости влетел джип. Я сломала три пальца на правой руке и приложилась головой о бордюр, а бабушка получила тяжелые травмы и скорой не дождалась.

Спустя месяц тихого траура и бесцельных блужданий по комнатам папа отправил Анне цветы, нацепил новый галстук и сделал по видеосвязи предложение.

Вот так мы и оказались в этой точке времени и пространства.

Словно уловив, что я о ней думаю, новая мама тут же звонит:

— Ребят, как вы там? С нетерпением ждем. Варенька, ты с какой начинкой вареники предпочитаешь? — из динамиков раздается ее участливый голос, но от слуха не ускользает язвительный смешок Лизы на фоне.

— Солнце, не заморачивайся! С любой! — вместо меня отвечает папа, а я незаметно показываю воображаемой сводной сестре средний палец.

3

Огромный город внезапно выныривает из-за холма и тут же перегружает зрение закатными бликами, искрами фонарей, разноцветными глазками светофоров, яркими огнями фар, неоновыми витринами и белой подсветкой административных зданий. Вечереет, черная густота парков и скверов наползает со всех сторон и превращает улицы в сказочный, населенный колдунами и духами лес. Мы медленно въезжаем в него, и от мрачной, но интригующей атмосферы перехватывает дыхание.

Да, я уже бывала в этом городе, но раньше он меня не впечатлял. И он еще долго будет для меня новым — я плохо ориентируюсь в пространстве, не запоминаю маршруты, до одури боюсь подвыпивших мужиков, шумных скоплений молодежи, тихого ночного дождя и летних гроз...

Если существуют «домашние» дети, то я выросла буквально в тепличных условиях. До седьмого класса бабушка каждый день провожала меня в школу и после звонка встречала у ворот. Прежние одноклассники относились ко мне *никак*: не обращали внимания, но и не доставали. Уверена: на встрече одноклассников через год они даже не заметят моего отсутствия и не вспомнят имени.

Меня устраивала такая жизнь: вечера в компании книги или скетчбука, занятия в художке, подготовка к проектам, участие в олимпиадах. Я усиленно работала над воплощением мечты: после девятого переехать и поступить в «Суриковку», где, в случае успеха, я могла бы получить профессиональное образование и подать документы на высшее.

Но однажды, когда мне исполнилось пятнадцать с половиной, в груди засело ноющее, навязчивое томление, похожее одновременно на тревожное предчувствие, на мандраж перед экзаменом, на ожидание любви и на уверенность, что она обязательно придет. К маю оно превратилось в наваждение, и с наступлением каникул стало нестерпимым.

Мне вдруг тоже захотелось бродить по летним улицам за ручку с кем-то невероятным, улыбаться ему, любить его, заглядывать в глаза и нарушать правила. Мне сотни раз снился его звонкий смех, до мурашек приятный голос и горячий, опьяняющий парфюм с запахом соли и солнца, но в моих снах у парня не было четкого лица.

Этим летом эмоции бушуют, как ураган, но я до сих пор одна — одна настолько катастрофически, что это невозможно вообразить. Стыдно признаться: до сегодняшнего дня я рассказывала секреты только голубю, и у меня есть лишь папин номер в списке контактов.

Поток машин останавливается в ожидании зеленого разрешающего сигнала, и впереди открывается вид на величественное здание с рядами колонн и множеством ступеней. Судя по барельефам на фронте, это — местный театр. На лавочках у фонтана обнимаются влюбленные парочки, дети бегают по мраморным бортикам и визжат, а пожилая полноватая тетенька в серебристом платье и ажурной шали кормит хлебными крошками стаю сизых голубей. Внезапно она оборачивается, пристально на меня смотрит и приветливо машет рукой в белой митенке.

Городская сумасшедшая — таких и в наших краях было много. Но я всегда им сочувствовала, помогала перейти дорогу и даже выслушивала, вот и сейчас поднимаю руку и машу ей в ответ.

Тут так торжественно и красиво, что хочется плакать, и я мысленно умоляю providение послать мне компанию по интересам, преданного и смелого друга, занятие по душе и силы стать лучше — только бы не тухнуть это лето и всю оставшуюся жизнь в четырех стенах. В голове снова возникают образы белой птицы, большой высоты, необъятного неба...

Историческая часть города резко заканчивается, и я разочарованно провожаю взглядом старинные особнячки, пафосные новоделы и памятники советской эпохи. Мы въезжаем в мик-

рорайон исполинских однотипных новостроек, и из достопримечательностей здесь — голый асфальт, только что высаженные, но уже сухие деревца, пластиковые детские горки и строительный мусор на газонах.

У ближайшего подъезда маячат две фигуры, и я безошибочно узнаю нарядную, яркую Анну и долговязую мрачную Лизу.

Анна на пять лет старше папы, но он говорит, что она потрясающе красивая, роскошная и умная, и возраст не имеет значения. У меня нет причин с ним не соглашаться. Пусть я не разбираюсь в женской красоте, но талантливых людей уважаю. А она — большой талант: создает жутковатые картины с городскими пейзажами, ведет курсы живописи онлайн и работает в государственном музее истории и искусств. В позапрошлом году бабушка подарила мне на день рождения ее курсы. Именно Анна успокоила встревоженного папу, рассказав об известных художниках, которые, как и я, специализируются лишь на одной определенной тематике и изображают только горы, только море, только... котиков. И имеют признание критиков и ценителей.

Правда, все мои устремления, познания в этой сфере и наставления Анны потеряли актуальность после аварии. «Суриковка» здесь, в этом городе. Но теперь она остается лишь болезненной несбывшейся мечтой, а мне предстоит выбрать профессию из не слишком обширного списка местных колледжей.

Зато Анна круто поет, замечательно готовит и заразительно хохочет, и, когда она рядом, что-то в моей груди оттаивает и искренне тянется к ней.

Папа расцветает в улыбке, но Лиза надменно фыркает, и я глотаю кислый комочек досады.

Мне хватило нескольких визитов сюда, чтобы понять: вытерпеть выходки Лизы временами бывает слишком тяжело.

Наш с ней стайл мог бы быть похожим, но я одеваюсь в черное для того, чтобы быть незаметной, а она — чтобы эпатировать и агрессивно привлекать внимание. В ее обществе я теряюсь, становлюсь невыносимо тупой, не просекаю, когда она шутит, а когда пытается побольнее задеть. Она взрослая, самостоятельная и самодостаточная. Ей уже восемнадцать, и она, к моей непередаваемой досаде, как раз учится в «Суриковке» — художественно-реставрационном вузе, в колледж при котором я так мечтала поступить и куда, с моей травмой, путь мне теперь заказан.

Вытряхиваюсь из машины, дежурно обнимаю Анну, киваю Лизе, но не достаиваюсь взаимности и, дождавшись, когда папа и его жена разомкнут крепкие объятия, вслед за ними ныряю в темный подъезд.

Новая квартира состоит из двух просторных жилых помещений, кухни, ванной, санузла и балкона. Я еще из прихожей замечаю в ближайшей спальне свои коробки и сумки вперемешку с чужими, и тяжело вздыхаю: кажется, мне предстоит стоически делить комнату с Лизой.

Наши родители, смеясь и смущенно краснея, подтверждают самые худшие опасения:

— Девочки, вы уж сами разберитесь, кто и где расположится! — плотно прикрывают за собой дверь и оставляют нас одних.

Лиза по-хозяйски направляется к одной из кроватей, окидывает меня убийственно хмурым взглядом, расстегивает рюкзак с пожитками и цедит через губу:

— Какого лешего вам с Евгением не сиделось дома? Мне из-за этого переезда теперь придется и к друзьям, и в институт на автобусе добираться.

— А я своих вообще больше никогда не увижу, — я пытаюсь ее подбодрить, но фраза звучит как начало спора, и Лиза криво усмехается:

— Типа, они у тебя были...

Мне нечем возразить.

Опускаюсь на мягкий ковер, распаиваю створки шкафа и молча разбираю привезенные коробки. Их содержимое горько и сладостно пахнет домом, и я изо всех сил креплюсь, чтобы не завывать.

У меня мало вещей — все, что имело значение, осталось в прошлом, а будущее похоже на белый лист. Мой угол напоминает больничную палату или гостиничный номер, зато Лиза заводит свою половину мрачными плакатами, искусственной паутиной и гирляндами в виде тыкв, старательно расставляет на стеллажи книги и акриловые статуэтки персонажей компьютерной игры, водружает на стол графический планшет. Очень скоро она обо мне забывает — плюхается на кровать, с кем-то оживленно переписывается и шепотом отправляет голосовые.

Я не раз мониторила ее страницы в соцсетях и осведомлена, что у Лизы много друзей-художников и даже есть парень. Может, она познакомит с ними и меня? Да, они старше, и я не вызову у компании интереса, но и позорить сестру не буду. Погуляю рядом, послушаю разговоры, посижу в сторонке и не открою рта...

Идея примерно секунду кажется мне блестящей. Судорожно подбираю нужные слова и поворачиваюсь, чтобы спросить Лизу о планах на завтра, но она обращает ко мне пустое лицо и отрезает:

— Просто уясни. Я ничего тебе не должна и нянчиться с тобой не собираюсь.

4

Я просыпаюсь от духоты и странной тревоги, но она мгновенно разрастается до липкого ужаса — в окно врываются шорохи и стук капель. Как я могла забыть? Еще вчера по радио обещали небольшой дождь!

Накрываю ладонями уши, выскакиваю из кровати и отважно поворачиваю ручку на раме. Пугающий звук стихает, и я снова прячусь под одеяло.

Единственный минус теплого времени года — дожди. Серые, монотонные, нескончаемые, отсекающие от мира... Но в тучах над крышами виднеются голубые просветы, и я усиленно культивирую в себе позитивный настрой.

На удивление, на новом месте отлично спалось — видимо, сказалась усталость после долгой дороги. Сегодня мне снова снился он... Бабушка рассказывала, что в старину, если девушка собиралась ночевать в гостях или на новом месте, она просила суженого ей присниться, и тот действительно являлся в сновидениях.

Значит, это все же будет он... Невнятный, но волнующий образ опять запускает томление, предчувствия и надежды, но я легонько хлопаю себя по щекам, потягиваюсь и прислушиваюсь к голосам снаружи.

Кажется, остальное семейство давно бодрствует.

Папа улаживает какие-то рабочие моменты по телефону, из его ноутбука доносится меланхоличное пение Моррисси, Анна потирает Лизу, которая «уже два часа сидит в ванной», и та что-то неразборчиво бубнит. Минут через двадцать сестра возвращается в комнату с полотенцем на мокрых волосах и настежь распахивает окно. С улицы веет прибитой пылью и грибами, но дождь уже закончился, и беспричинный страх ослабляет хватку.

Лиза демонстративно игнорирует пожелание доброго утра, и я, прихватив домашние штаны и толстовку, тоже спешу на водные процедуры, а потом Анна приглашает всех к завтраку.

Обустройство кухни еще не закончено, в ней нет ни гарнитура, ни штор, ни люстры, но стол ломится от неизвестных мне блюд, и определить, из каких ингредиентов они приготовлены, навскидку не получается. Плещаюсь на свободный стул и улыбаюсь папе. Он без слов понимает, что все хорошо, и удовлетворенно кивает.

Осторожно пробую и тут же накидываюсь на умопомрачительно вкусную еду, как могу поддерживаю беседу, но глухая враждебность Лизы давит и напрягает, и я выпадаю из общения, лишь изредка поглядывая на папу.

Несмотря на хипстерскую бородку, очки и растянутый свитер, сегодня он выглядит пронзительно юным, да и Анна, с копной каштановых волос и без намека на макияж, тянет скорее на студентку старших курсов. Папа словно светится изнутри, а зеленый взгляд Анны расфокусирован. Внезапно я опознаю в ее длинной просторной футболке папин любимый «Левайс» и краснею от неловкости, а Лиза, считав моим замешательством, издает саркастический смешок.

Анна забирает у нас опустевшие тарелки, ставит в центр стола поднос с десертом и чашками кофе и, строго зыркнув на Лизу, неожиданно ласково выдает:

— Лиза, мы с Женей страшно заняты вечером... И настоятельно просим: пригласи Варю погулять. Покажи город, познакомь с приятелями. Может, кто-то из них порекомендует ей учебное заведение для выбора.

Мы обе вздрагиваем. Я — от дурной, иррациональной надежды, Лиза — от возмущения.

— Думаю, ей с нами не понравится, мам.

— Но попробовать стоит, ведь так? Пусть Варя сама решит.

На удивление, Лиза не спорит. Благодарит Анну за еду, отказывается от кофе и уходит в комнату. А я как можно дольше смакую десерт, болтаю с папой о погоде и вызываюсь помочь Анне с уборкой.

Полдня Лиза изводит меня игнором. Успеваю от корки до корки прочитать недавно купленную книгу, но вникнуть в ее содержание не могу. Меньше всего мне бы хотелось быть для сводной сестры объектом ненависти, но я понятия не имею, как расположить ее к себе.

— Лиз, ты меня услышала? — напоминает Анна, застегивая в прихожей босоножки, и папа, крутя на пальце брелок от машины, присоединяется к внушению:

— Девчонки, ну хватит бодаться. Попробуйте начать с малого! Если каждая из вас делает один-единственный шаг навстречу, вы сблизитесь на два!

Щелкает замок, голоса на лестничной площадке стихают, лифт со вздохом опускается по шахте к нижним этажам.

— Добилась своего? — скидывается Лиза. — Женечке нажаловалась? Знаешь же, что мама «плывет» от его просьб!

— Да я не говорила папе ни слова! — клянусь я с таким жаром, что по щеке скатывается слеза. Лиза прищуривается и вздыхает:

— Ладно, иди сюда... — она встает, подводит меня к шкафу, распахивает зеркальные створки и критически осматривает мой гардероб. — У тебя хороший вкус. Наденешь это и, пожалуй, вот это... — в мои руки переключивается короткая клетчатая юбка и черный лонгслив. — Но макияж никогда не бывает лишним. Уяснила?

На столике Лизы чудесным образом появляются тушь, тон, помада и палетка теней, и следующие полчаса она сосредоточенно колдует над моим образом. Я признательна ей, почти ее люблю, и от нереальности происходящего кружится голова.

Лиза может быть нормальной. И сегодня я познакомлюсь с ее компанией... Компанией, которая могла бы стать моей, если бы я не утратила свой главный талант.

Словно прочитав мои мысли, Лиза быстро шепчет: — Учти: они сложные, творческие. Художники, музыканты, блогеры... Я еще не стала в этой тусовке своей. Так что лучше сиди и помалкивай. Не смей меня позорить.

Она складывает карандаши, тубики и палетки обратно в выдвижной ящик, утыкается в экран телефона и увлеченно с кем-то переписывается, а я еще долго люблюсь своим отражением в зеркале и задыхаюсь от череды невероятных открытий. Мой испуганный взгляд может казаться трагическим, а щуплая фигура — хрупкой и изящной, маленький вздернутый нос — трогательным, а чуть приоткрытые из-за неправильного прикуса губы — чувственными.

Из глубин души снова вырывается волнение, но теперь не мутное и тревожное, а торжественное и радостное. Мысли материализуются, моя мечта о новых знакомствах сбывается.

Бабушка Варвара много лет дружила с профессором с кафедры физики — ярким и эксцентричным старичком, — но с годами его рассудок помутился, и тот ударился в конспирологию. Он частенько навещался к нам на чай и на полном серьезе утверждал, что сильные человеческие эмоции способны высвободить энергию такой силы, что она может превратиться в материю. Он демонстрировал какие-то формулы и выкладки, ссылаясь на Эйнштейна и мифы народов мира, но папа над ним смеялся, а я ничегошеньки не понимала. Зато бабушку неизменно увлекали выводы профессора, и она, покачивая головой, изрекала:

— Энергетическое поле индивида после выброса энергии такой силы непременно бы истощилось, а истощение чревато болезнью или упадком душевных сил. А вообще, Иван Иванович, если бы тебе удалось доработать и доказать свою теорию, она объяснила бы существование духов и призраков и наконец примирила фольклор и науку...

Я вздыхаю. Все желания, кроме самого главного, действительно воплощались в жизнь, и таких случаев было много. Только часть из них является занятым совпадением, а другая — закономерным итогом моих усилий.

— Пошли, балласт. — Лиза, накрашенная, как персонаж е е любимой игры, вырывает меня из раздумий, пудрит нос и вешает на плечо рюкзак. — Да, и не заикайся о том, что тоже мечтала поступить в «Суриковку»!

Мы выпрыгиваем из задней двери комфортабельного белоснежного автобуса, и он, загадочно подмигнув голубоватой ксеноновой фарой, уносится прочь.

На город опустился пасмурный, прохладный вечер. Терпкий запах скошенной травы и могильной сырости стал отчетливей и усилился в сквере, укутанном темной, почти черной листвой. Не сговариваясь, мы пересекаем его бегом.

Кусты расступаются, и впереди простирается старая, покрытая выщербленной брусчаткой площадь. На ней зажигаются первые фонари.

Погода не располагает к прогулкам — редкие прохожие, ежась от промозглого ветра, спешат по домам, но на сдвинутых лавочках у гранитного постамента шумит и гогочет группа мрачной, необычно одетой молодежи. Я подбираюсь и мешкаю, и тут же ловлю от Лизы злобный, предостерегающий взгляд.

— Привет! Это Варя! — она дежурно представляет меня собравшимся и повисает на шее у высокого бледного блондина, но ребята незаинтересованно на меня смотрят и тут же забывают. Ничего нового... Все они слишком крутые, слишком раскованные, слишком красивые, и быть по-другому попросту не могло.

Разочарование — горькое, безысходное, с привкусом плесени — забивается в легкие и мешает дышать. Я взбираюсь на спинку соседней скамейки, устраиваюсь на самом краешке и нахохливаюсь. Наблюдаю, слушаю, улыбаюсь, не просекаю приколов и молчу, молчу, молчу...

Лиза увлеченно ерзает на коленях своего красавца с пафосным ником Фантом — он похож на рок-звезду и действительно не кажется реальным. Вскоре они переходят на поцелуи с языками и громко стонут, и я, запрокинув голову, всматриваюсь в серо-розовые небеса.

Скучаю, страдаю и мерзну, и отчаянно жажду внимания.

— Как, говоришь, тебя зовут? Варя? — рядом со мной опускается тень, я дергаюсь и растерянно пялюсь на подсевшего ко мне парня. Ярко-рыжие растрепанные волосы, черные, словно без радужки, глаза и завораживающая улыбка, от которой тут же меркнет мир.

— Я Шарк. Классные шмотки. — Он без спроса пожимает мою руку и, обдав запахом сигарет и полыни, отваливает обратно к приятелям, а я е два не падаю без чувств в запущенную клумбу. Остаток вечера я, как щенок, внимаю каждому е го слову, хотя ко мне он больше не обращается, слежу за каждым е го движением в надежде, что он снова ко мне подойдет, и сжимаю горящие от прикосновения пальцы в кулак. Я благодарна ему до слез и отчаянно жду продолжения.

И загадочный герой из моих снов вдруг обретает четкие черты.

С наступлением ночи Шарк занимает все мои мысли. Это не влюбленность, нет!.. Хотя откуда мне знать?

Не могу уснуть, гоню е го из головы и из сердца, но он прочно там обосновался, а е го дерзкий образ и громкий смех накрепко впечатались в память и вызывают мурашки.

Вряд ли Лиза снова раздобрится и позовет меня погулять, но к утру я окончательно понимаю, что ради встречи с Шарком готова умолять и унижаться.

5

После завтрака папа, чертыхаясь и производя неимоверный грохот, повесил на кухне пару шкафов, а потом родители засели за ноутбук и до сих пор выбирают мягкую мебель — изучают специализированные сайты, бурно обсуждают ассортимент, фактуру и цвет ткани. Раскрываю новую книгу и перестаю вслушиваться в их диалог.

Расположившись на подоконнике, Лиза что-то рисует на планшете, и я, обмирая от любопытства, тайком посматриваю в экран. С каждым движением стилуса в нем все более подробно воссоздается наш унылый, однообразный пейзаж, состоящий из многоэтажек с вереницами застекленных балконов, но нельзя не признать: у Лизы обалденная техника. Дочь взяла немалую часть маминого таланта.

— Варь, а у тебя есть хоть какие-то увлечения? — заметив мой интерес, неожиданно спрашивает Лиза, и я крепко задумываюсь.

О моей прошлой, «тепличной» жизни и досадной травме она наслышана, и именно поэтому восприняла мой приезд в штыки, но в жалости и сочувствии я не нуждаюсь. Я во всем ищу плюсы. Например, авария помогла мне отделаться от заикленности на голубях. Во всяком случае, теперь я хотя бы их день и ночь не малюю и успешно создаю видимость нормальности.

Я неопределенно пожимаю плечами:

— Ну... Я люблю музыку...

— Какую?

— Разную. Все, что слушает папа.

Лиза разочарованно вздыхает и снова берется за стилус, и я быстро добавляю:

— А вообще, я собираю городские легенды.

— Надо же, — она удивленно приподнимает бровь и глядит на меня чуть пристальнее, чем обычно. — Ребята тоже любят рассказывать страшилки. Про страшные места этого города, про разных мемных персонажей. Вообще-то это традиция «Суриковки», но никто не знает, когда и с чего она началась. Иногда их так несло, что домой приходилось возвращаться чуть ли не бегом. Было реально страшно! Правда, я тогда еще не встречалась с Фантомом.

Ее щеки заливает румянец, а я пялюсь на нее во все глаза. Оказывается, под неприступной маской сарказма и отчужденности скрывается ранимая и неуверенная в себе девчонка, по уши влюбленная в надменного, красивого, но не слишком приятного парня...

Это открытие нужно как следует уложить в голову, а пока я решаю нагло воспользоваться возникшим между нами доверием:

— Лиза, а можно мне и сегодня потусить с вами?

— Блин, Варь, — она напрягается, но нарывается на мой грустный, наполненный мольбой и трагизмом взгляд и нервно постукивает пальцами по корпусу планшета. — Ладно. При условии, что ты будешь помалкивать и сядешь там же, где и вчера.

От радости я готова удушить ее в объятиях, но отказываюсь от этой идеи как от несвоевременной и мучительно подбираю слова:

— Спасибо... А этот... Шарк, — на его имени в горле пересыхает, — он, ну... С кем-нибудь встречается?

— Что, влюбилась? — Лиза ставит точный диагноз и усмехается, но я возмущенно мотаю головой:

— Нет. Просто вчера он первым подвалил познакомиться, а я не знаю, с чего начать наше общение.

— Мой тебе совет: лучше не начинай, — Лиза опускает лицо, выбирает цвет на палитре и сосредоточенно растушевывает, явно давая понять, что аудиенция окончена. Но повисшую

между нами тишину нарушает бодрый стук в дверь — папа объявляет, что рагу и печеные ребрышки готовы, и призывает нас на кухню.

Ужин проходит в атмосфере гармонии, тепла и полного взаимопонимания, но я тороплю время и с трудом досаживаю до традиционного десерта Анны. Прикончив его за минуту, спешу в комнату, не слишком удачно копирую свой вчерашний макияж и надеваю клетчатую юбку и лонгслив.

— Ты опять в этих шмотках? — Узрев меня, Лиза приходит в ужас. — Seriously? Переоденься! Люди подумают, что мы нищие, не подкидывай лишний повод для глума.

— А по-моему, образ подобран отлично, и я пойду в них! — отрезаю я.

Ведь именно эти вещи накануне привлекли внимание Шарка.

Сегодня ярко-алый закат — тревожный, ослепляющий, величественный. Спальные районы, окутанные красным смогом, перемигиваются бликами в сонной дали, вода в фонтанах сделалась рубиновой, как вино, медные волосы Шарка кажутся огненными, а в черных глазах мерцают дьявольские искры.

Я сижу на своей скамейке и не отвечаю, любуюсь им, задыхаюсь от восторга и трепета и глупо улыбаюсь. Я бы и рада хоть что-то сказать, но язык прилип к небу, а мозг перестал генерировать связные мысли.

Шарк на меня не смотрит — вовсю заигрывает с симпатичной высокой девчонкой.

Спешащие по домам прохожие напоминают блуждающих в малиновом тумане призраков, бездомный мужик у памятника героям Гражданской войны показывает всем желающим карточные фокусы, и я на несколько долгих минут забываю о Шарке. У бродяги поразительно фактурная внешность — длинный нос, усы, как у Сальвадора Дали, близко посаженные глаза, и в моей груди возникает жгучее, зудящее желание взяться за карандаш или кусочек угля и перенести его черты на бумагу. Впервые за полгода я искренне сожалею, что покалеченные пальцы не гнутся, и приметный образ не сохранится.

С заходом солнца холодает, из заросшего сквера выползает темнота и стремительно пожирает остатки дня.

Шарк снимает черный пиджак, галантно набрасывает на плечи озябшей девчонки, и на его руке, от запястья до локтя, расцветает тату в виде акулы с хищным оскалом.

Столь прекрасное зрелище вынести я не могу и отворачиваюсь. Надо что-то предпринять, и желательно прямо сейчас! В поле зрения попадает одинокий фургон с мороженым, и я, вызвав замешательство у честной компании, соскакиваю со скамейки и громко выдаю:

— Ребята, кому мороженое? Лиза, Шарк, что вам купить?

— А? — растерянно переспрашивает тот, но хотя бы отвлекается от своей пассивности. — Нет, красотка. Я такое не ем.

Лиза что-то шепчет Фантому на ухо, покидает его колени, за локоть оттаскивает меня к кустам и шипит:

— Что за детский сад? Хочешь — иди и покупай! При чем тут я и ребята?

В этом обществе мажоров и позеров она становится пластиковой, неприятной и максимально чужой, и я опять проваливаюсь в бездонное болото одиночества.

— Так и сделаю! — с дебильной улыбкой объявляю я, но в груди разрастается ощущение катастрофы. Что ж, зато мороженое здорово лечит душевные раны.

Как побитый кошкой голубь, ковыляю к фургону, встаю перед зазывно раскрытым окном и долго выбираю топпинги и посыпки, перенимаю из рук полной тетеньки огромный рожок и с невыразимым удовольствием откусываю половину сливочного шарика. Жизнь сразу налаживается. И пусть насмешка во взгляде Шарка была слишком явной, я не собираюсь сдаваться — просто потому, что еще никого и никогда не любила настолько сильно.

Обдумывая варианты возможных стратегий, медленно возвращаюсь к скамейкам, но позади раздается жужжание и глухое постукивание, чьи-то руки крепко обхватывают мои бока, поднимают над землей и, крутанув в воздухе, снова ставят меня на выщербленную брусчатку. Я вскрикиваю, но испугаться не успеваю — в считанных сантиметрах проносится электросамокат с беспечным подростком, вцепившимся в руль. Наезд на бешеной скорости мог бы переломать мои хрупкие кости, но кто-то проявил чудеса реакции и в последний момент меня спас.

Оглядываюсь, чтобы поблагодарить безымянного супергероя, но высокая фигура уже успела отдалиться на приличное расстояние, и все, что я вижу, — свободную голубую толстовку оверсайз и копну густых светлых волос. Меня наконец настигает испуг, скручивает паника и невыносимая тоска, но они мгновенно сменяются облегчением, благодарностью и вспышкой не поддающихся осмыслению эмоций, от которых заходится сердце.

— Эй... — зову я, но получается пискляво и тихо. Мороженое падает на плитку и тут же подтаивает, пальцы и губы трясутся, благостную картинку июньского вечера искажает пленка слез.

— Все нормально, не поранилась? — ко мне подлетает встревоженная Лиза, враждебно пялится вслед незнакомцу и, получив от меня утвердительный ответ, с горечью в голосе бубнит: — Пошли отсюда. Ребята уезжают на вписку, за город. На всю ночь. А меня за такое мамаша заругает.

— Кто это был? — я запоздало обретаю дар речи и, чтобы не упасть, вцепляюсь в руку сестры. — Что за парень? Ты же знаешь его?

— А... Это местный фрик. В группе Фантома учится, но мы с ним не связываемся.

6

К вискам подкатывает предобморочная дурнота, ноги подкашиваются, но любопытство, вызванное словами Лизы, срабатывает как ватка, пропитанная нашатырем. Безуспешно ищу среди редких прохожих парня в голубой толстовке, разочарованно вздыхая и прилипаю к Лизе с расспросами:

— Как его зовут?

— Горе.

— Почему Горе? Что с ним не так?

Она стряхивает меня со своего локтя, поджимает губы и демонстративно ускоряет шаг, но я не отстаю.

— Потому что Григорий. И вид у него такой, будто он вечно переживает какое-то горе. Не так с ним — примерно все. И вообще, отвали, Варь! Мне сейчас слегка не до него.

От ее несправедливой, резкой отповеди щекочет в носу, и я выкрикиваю:

— Я не имею отношения к изменившимся планам ребят. Почему ты злишься на меня?

Лиза удивленно фыркает, с секунду раздумывает и раздражается гневной тирадой:

— Ты ведешь себя как ребенок. Даже я для них слишком незначительная, понимаешь? Правильная, скучная, сопливая первокурсница... А мама со своим ненаглядным Женечкой повесили тебя на мою шею: «Лиза, никаких поездок! Варюша не знает город! Доставь ее домой в лучшем виде, на тебя вся надежда, бла-бла-бла...»

— Прости... Но у тебя будет еще миллион возможностей доказать Фантому свою исключительность.

— Вторых шансов не бывает, и я не хочу искушать судьбу! Как бы тебе объяснить? Фантом, Шарк и еще один парень — лучшие студенты «Суриковки»! В следующем году они выпускаются, и это сильнейшая группа за всю историю учебного заведения. Я планирую связать с искусством жизнь, а о них уже говорят как о будущих звездах, у них сотни тысяч подписчиков! И рядом — толпы озабоченных девиц. Ничего личного, Варя. Просто мне там еще учиться, а у меня вот-вот рухнет мир. Я всего лишь хочу соответствовать Саше и утереть носы завистницам. Я так его люблю, что иногда теряю себя... И мне очень страшно. Потому что вряд ли получится его удержать!

Я виновато прикусываю язык. Лиза переживает личную драму — неразрешимую и глубинную, и мне искренне ее жаль: такая же несчастная участь ждала бы и меня, если бы Шарк чудесным образом предложил мне встречаться. Проблема в том, что я бы все равно согласилась. Господи, да я бы все за это отдала!..

Как назло, веских слов для утешения не находится. Лиза уходит вперед, а я медленно бреду и озираюсь вокруг. Все же этот город сильно отличается от моего прежнего: если не брать в расчет престижную, закатанную в асфальт и бетон окраину, здесь бережно сохранен исторический облик — много старинных домов, изъеденных временем скульптур и узловатых столетних деревьев.

На пути вырастает темный сквер, и звуки площади разом отключаются. Пахнет мхами и лесом, поскрипывают кривые стволы, шумит черная листва, что-то загадочно позвякивает и шуршит в высокой траве. Внимательно всматриваюсь в июньские сумерки и замечаю справа, в зарослях ясеня, кирпичную двухэтажную постройку, завешенную зеленой строительной сеткой.

— Что за заброшка? — я в священном трепете замираю; Лиза оглядывается, цыкает и вынужденно возвращается ко мне.

— Это не заброшка, а музей истории и искусства нашего края. Памятник архитектуры. Тут раньше мама работала. Его собирались отреставрировать, но зимой неожиданно обруши-

лась кладка одной из стен, и здание признали аварийным. Основную часть экспонатов переселили в хранилище, там только мастерская какая-то осталась. Сейчас решается вопрос с другим зданием, а музей пока функционирует только в виде сайта.

— Круто. — Я и бабушка Варвара посетили добрую сотню музеев в своем городе и окрестностях, и я с детства обожаю такие места. — Ты бывала там раньше? Наверное, там осталось много интересного... Давай зайдем?

Лиза в нерешительности мнетя у входа, но качает головой и отступает к тротуару:

— Нет. Ребята видели там призраков. А Шарк собирался провести ночной стрим для подписчиков, но словил жестокие глюки и быстро оттуда сбежал.

Я от чистого сердца помогаю Анне с готовкой ужина и заменяю папу у плиты во время выпекания его фирменных блинчиков, поддерживаю разговоры и одобряю заказанный на сайте диван, а Лиза ссылается на внезапную мигрень и закрывается в комнате. Переглянувшись, родители составляют наши порции на поднос и отправляют меня к ней с миротворческой миссией.

Лиза пребывает в полнейшем раздоре — закутавшись в плед, в потемках сидит на кровати, обнимает подушку и беззвучно ревет.

Нажимаю локтем на выключатель, и тусклый ночник слабо подсвечивает ее несчастное, опухшее лицо. Я снова чувствую к Лизе что-то вроде теплоты и солидарности, ставлю поднос на стол, присаживаюсь на край матраса и протягиваю ей чашку с горячим какао.

— Мы теперь сестры. Давай нормально поговорим!

Мое сострадание окончательно прорывает дамбу. Лиза отпивает какао, давится и в голос рыдает:

— Я же знаю: там будут девки не особо тяжелого поведения, и он их не пропустит. И все из-за мамы. Мне восемнадцать, но она продолжает диктовать свои условия! Назло ей останусь старой девой, буду кряхтеть и стучать кулаком в стенку, когда они с Женечкой в следующий раз предадутся любви! Строгие правила, строгие правила, а сама...

Сказанное Лизой — явно лишнее для моих ушей, но за папу становится обидно.

— Между прочим, он любит Анну, и серьезность намерений доказал.

Лиза затихает, дрожит и плачет еще горше, и вдруг признается:

— Варь, я двадцать четыре на семь с ужасом жду, что Фантом меня бросит. Я не чувствую вовлеченности с его стороны и больше так не могу... Я написала ему, что нам лучше расстаться. Так сказать, нанесла упреждающий удар...

Эта новость оглушает и расстраивает. Пусть меня не красят подобные мысли, но, если Лиза пошлет Фантома, у меня не будет возможности поближе познакомиться с Шарком. Проглатываю скользкий комок и вдохновенно раскрываю рот:

— Лиза, пожалуйста, не вини моего папу — он искренне за меня волнуется... И Анна не отпускает тебя не из вредности — она же с ума сойдет, если ты проведешь ночь где-то за городом, да еще и в обществе взрослых парней... А еще мне кажется, что Фантом тебя очень любит и не станет изменять! Он ведь тоже заложник своего статуса и не мог не поехать. Но ему было бы в сто раз легче, если бы ты была рядом.

— Думаешь? — гнусит Лиза, шмыгает и кисло улыбается, и я с жаром киваю:

— Уверена! Вы так круто смотрите вместе!

По мистическому совпадению, в ее телефоне тренькает оповещение — Фантом присылает голосовое, в котором долго и обстоятельно умоляет Лизу его простить, признается в любви и клянется, что на вписке тухло, все уже спят, а он адски скучает.

Взвизгнув, Лиза принимается надиктовывать ему ответ, а я под шумок отползаю в свой угол. Глаза слипаются, голова тяжелеет, но на душе настоящая благодать. Словно кто-то только

что стиснул меня в крепких объятиях, ловко крутанул в воздухе и спас от столкновения с самокатом.

7

Лиза просыпается абсолютно счастливой, прощает мне вчерашнее фиаско и предлагает погулять вечером. Еще бы: сам Фантом снизошел до моего уровня и милостиво пригласил в их тусовку.

В мозгу на миг вспыхивает красная лампочка, но я трясую головой и пробую мыслить здраво.

Ситуация с переездом и все, что происходит со мной в этом городе, уже мало напоминает привычную реальность. Но перемены пошли мне на пользу — здесь я почти не ощущаю той ноющей, неизбывной тоски, что с детства меня изводила.

Просушив волосы, выползаю на кухню, занимаю уже ставший моим стул и принимаюсь за завтрак. Но папа и Анна нынче странно загадочные, и беседа не клеится.

Лиза тоже замечает неладное и не выдерживает первой:

— Колитесь уже. Что скрываете?

— Девочки, мы рады, что вы нашли общий язык... — осторожно начинает Анна, и папа подхватывает:

— Вчера, выбирая мебель, мы прошли и по предложениям горящих турпутевок...

— Конечно, мы не самые юные люди, и отмечать свадьбу не планировали...

— Но на днях я закончил серьезный проект и получил бонус...

— Свадебное путешествие? — Лиза раздраженно закатывает глаза. — Господи, а разговор-то!.. Так бы сразу и сказали.

Я поражаюсь ее проницательности. А ведь действительно: папа может работать из любой точки мира, да и Анна пополнит сайт музея и проведет курсы живописи, был бы под рукой ноутбук или телефон.

— Слетаем на разведку. Если понравится, в августе побываем там всей семьей, — виновато улыбается Анна и вовсе сникает: — Только... Самолет уже этим вечером. Вы продержитесь без нас две недели?

Я немало шокирована и даже роняю вилку, но папа посылает мне пронзительный, умоляющий взгляд, а Анна нервно комкает бумажную салфетку. Их сконфуженный вид вызывает умиление, от которого я вот-вот расплачусь.

Папа никогда не приводил домой девчонок, хотя отношения у него были. Варвара Степановна беспрестанно требовала от него наладить личную жизнь, а он резко возражал, что не станет жениться на той, кто считает его дочку обузой.

Но с Анной я не чувствую себя в чем-то ущемленной: после травмы и смерти бабушки она каждый день звонила мне по видеосвязи, спрашивала, как мои дела, давала советы, отвлекала смешными случаями из жизни. А когда мы гостили в их старой квартире, она жалела меня, часто обнимала, угощала конфетками и гладила по голове.

Я знаю, она старается, и я тоже очень стараюсь. Мне нравится, каким папа стал рядом с ней.

С кряхтением лезу под стол, поднимаю вилку, извиняюсь и улыбаюсь так, что щелкает челюсть:

— Да хоть месяц. Мы уже взрослые и со всем справимся, да, Лиз?

Лиза не спорит и с энтузиазмом кивает. Для нее отъезд мамы и «Женечки» — отличная возможность избавиться от гиперопеки.

Остаток дня пролетает в метаниях по квартире, поисках необходимых вещей и судорожных сборах. Родители, чтобы отделаться от чувства вины, даже вызываются подбросить нас до центральной площади.

Сегодня Лиза не участвовала в формировании моего стиля, но в лифте я удостоилась от нее похвалы. Может, мир незаметно сменил полюса, но даже Фантом издала улыбається мне в знак приветствия. Впрочем, его оскал — зрелище жутковатое, и приятнее для меня он все равно не становится.

Компания, похожая на стаю воронья, уже облепила все ближайшие к памятнику скамейки, однако, завидев нас, ребята как по команде сдвигаются плотнее и освобождают местечко. Я благодарно плюхаюсь на жесткие доски, а Лиза садится на колени к Фантому, обвивает его шею тонкими руками, и они страстно и долго целуются.

Краснею и отворачиваюсь — не выношу телячьи нежности на публике. Но тут же ловлю улыбку Шарка — широченную, огненную, разгоняющую пульс, и застываю с открытым ртом.

Вызванное нашим появлением замешательство постепенно сходит на нет, начинаются обычные разговоры: кто-то рискует завалить сессию и кроет матом принципиального препода, кто-то делится идеями роликов для «ТикТока», кто-то строит планы на летний отдых, кто-то отпускает тупые или чересчур заумные шутки.

— Чем ты занимаешься? — долетает до меня с соседней скамейки, и волосы на коже встают дыбом. Этот голос я узнаю из тысячи, и он совершенно точно обращается ко мне.

Пару долгих секунд мы с Шарком играем в гляделки — я тону в черноте его насмешливых глаз, потею, как в сауне, и на лбу выступает испарина.

«...Мысли, ау... У нас проблемы...»

— А Варя переехала к нам совсем недавно! — приходит на помощь Лиза. — Вливается в здешние реалии. Любит музыку, в основном классику мирового рока, а еще она собирает городской фольклор.

— Как Шурик? — смеется щуплый парень с ангельской внешностью, сидящий рядом со мной, и я отмираю:

— Не совсем. Бабка моя увлекалась этим серьезно, а я — так... Записываю то, что удастся вспомнить.

— У нас тоже есть повернутый на этой теме чел. Расскажи что-нибудь! — не унимается херувимчик, и я, с трудом отлепившись от магнетического взгляда Шарка, выпаливаю первое, что приходит на ум:

— Вы знали, что в минуты сильного душевного волнения можно призвать духа-защитника? Бабушка говорила, что одна маленькая девочка реально это сделала. Однажды она сильно испугалась, и он материализовался. И с тех пор был с ней рядом и всегда за нее заступался.

— Если что, я могу побыть таким духом! — Шарк встает, кивком заставляет херувимчика по соседству ретироваться, устраивается возле меня и опускает на мое плечо надежную, тяжелую руку. — И ни одна тварь тебя не напугает.

Туманные городские виды качаются и уплывают. Я съеживаюсь, зажмуриваюсь, таю от запаха дорогого, волнующего парфюма и едва дышу.

«Что он делает? Что все это значит?..»

— А если серьезно, я верю в потустороннюю лабуду, — теперь Шарк обращается к ребятам. — Тогда, ночью, в музее, я чуть коньки не откинул от страха. Там кто-то был и явно надо мной рофлил, но мне смешно не было. А потом началось такое кино, что я свалил в считанные секунды. И посеял очень дорогой фонарик.

— А историю про Приму расскажите! — тусовка оживает. — Она лет сорок была звездой нашего театра, умерла в начале двухтысячных, но ее продолжают видеть на улицах.

— Да фигня! Кто-нибудь из вас ее видел?

— Не-а. На то она и легенда.

— А мой препод по истории искусства, — задумчиво изрекает Фантом, — когда-то был популярным писателем, издавался приличными тиражами. Но потом взялся за какой-то мону-

ментальный труд, не вывез, стал спиваться и разговаривать со своим персонажем. Прихожу я к нему как-то, текущие долги перед зачетом закрывать, а у него в кабинете стол на две персоны накрыт. А сам он взвинченный, руки дрожат. И вот этот тип мне втирает, что только что его выгнал. Тоже было стремно, скажу я вам... А на выходе на меня Найденов со своей мазней налетел. Даже не знаю, что напрягло сильнее!..

Все громко хохочут, Лиза снова вдохновенно целуется с Фантомом, а мое плечо настойчиво и нежно гладит ладонь Шарка.

Я часть тусовки. Над крышами бушует мое первое, свободное и взрослое лето... Меня обнимает невероятно красивый парень. И сердце в груди превращается в голубя — бьется и трепещет в клетке ребер.

— Погуляем завтра? Вдвоем? — теплое дыхание Шарка щекочет ухо, и я, уронив голову на его грудь, в полубомороке мычу:

— Погуляем...

8

Мне всю ночь снился Шарк — в стильных черных шмотках, с алыми искрами в огненных волосах, с выключающей разум улыбкой и насмешливыми, светонепроницаемыми глазами. Нежный шепот мурашками щекотал кожу, кровь бурлила от переизбытка эмоций, и я окончательно убедилась, что загадочный персонаж из моих снов — это именно он.

В семь ноль-ноль наши с Лизой телефоны одновременно ожили — родители создали беседу «Семья» и все утро наперебой пишут, что долетели с комфортом, заселились в отличный отель и уже вовсю отдыхают. Чат пестрит фотографиями экзотических пальм, бассейна с лазурной водой, белого песка и коктейлей с разноцветными бумажными зонтиками.

— Ей-богу, как дети... — с нарочитым раздражением хрипит Лиза и отворачивается к стене, но я искренне рада за папу. Из-за меня он много лет не позволял себе жить в свое удовольствие, эта поездка очень ему нужна. И я надиктовываю бодрое голосовое, что они молодцы, а у нас все нормально.

Бреду на кухню, достаю из холодильника остатки вчерашней роскоши, запиваю холодным зеленым чаем, плююсь на многоэтажки напротив и задумываюсь о насущном.

Полная свобода — это, несомненно, замечательно, но чем мы будем питаться? Лиза полдня валяется под одеялом, болтает со своим ненаглядным Фантомом и не собирается идти в магазин, а я почти не знаю город. Однако в обед доставщик приносит огромную пиццу, роллы и газировку, и почти утраченное доверие к недавно обретенной сестре возвращается.

Взобравшись на кровать, с удовольствием уплетаю уже третий кусок и пробую читать книгу, но буквы упорно не складываются в слова. На самом деле, я заедаю тревогу, растущую как снежный ком по мере приближения вечера.

Мне предстоит труднейший экзамен, и я рискую его не сдать!

— Что мне надеть? — напускаю жалостливый вид и пристаю к Лизе. — Что делают и о чем говорят в таких случаях?

Лиза нехотя отбрасывает одеяло, присоединяется к трапезе и смеряет меня испытующим взглядом:

— Надень свое черное платье и не суетись. Помалкивай и просто слушай. Шарк любит, когда им восхищаются... — она допивает остатки колы и оставляет опустевшую коробку на стол. — Если честно, рекомендаций для тебя у меня нет. Ему девятнадцать, его папа — министр в нашем правительстве. Понятия не имею, чем ты взяла Андрея, но, раз уж он сам проявил инициативу...

Пока я смакую на языке его настоящее имя, телефон Лизы снова тренькает. Округлив глаза, она с грохотом вскакивает, хватая висящее на спинке стула полотенце и со скоростью ветра уносится в ванную, а я, вооружившись мусорным мешком, отправляю в него картонную тару и споласкиваю под краном стаканы.

Пояснения Лизы не облегчили мою участь и подстегнули и без того дурное волнение. А действительно: почему такой во всех отношениях великолепный парень запал именно на меня?..

В панике верчусь перед зеркалом, тщательно пудрю нос, завязываю шнурки на кедах и дергаюсь от пронзительной трели домофона. Поправив прическу, Лиза спешит в прихожую, открывает дверь и высовывается в проем, и через полминуты на пороге вырастает Фантом — в под горло застегнутом тренче и с загадочно позвякивающим пакетом в руках. Он желает мне доброго вечера, жутко улыбается и вопросительно приподнимает бровь, и коварный план сестрицы и ее парня на этот вечер становится очевидным.

— Саш, проходи. Прямо и налево! — суетится Лиза и выталкивает меня в подъезд: — Автобус номер три. Одиннадцатая остановка, не считая нашей! И, пожалуйста, не возвращайся подольше!

За моей спиной захлопывается дверь, и я в ступоре застываю перед лифтом. Взрослая жизнь наступила чересчур внезапно, и от детской обиды свербит в переносице. Но я смело шагаю в раскрывшую створки кабину и спускаюсь на нижний этаж.

Вылезаю из автобуса в незнакомой местности и заворуженно любуюсь ее красотами. Вокруг возвышаются зеркальные здания: торгово-развлекательный центр, ледовый дворец и океанариум; внизу мерцает неширокая лента реки, закованная в бетон набережная изрисована кислотными и неоновыми красками.

Скрестив на груди руки, в паре метров от меня стоит Шарк, и я подвисяю от его красоты, совершенства пропорций, светотеней и линий, и, по старинке, в мельчайших деталях запоминая его живописную позу.

Как по наитию, он оборачивается, походкой модели направляется ко мне, подхватывает мое худое, обмякшее тело и крепко обнимает. Меня штормит. В эту минуту я прощаю человечеству все прегрешения, ошибки и глупости, совершенные во имя любви.

Взявшись за руки, мы гуляем по пыльным вечерним улицам. Шарк рассказывает о своей насыщенной жизни, о крепкой дружбе с Фантомом и о том, какой тот во всех отношениях замечательный человек, а я молчу и восторженно слушаю. Впрочем, я бы при всем желании не смогла поддержать разговор — сейчас я способна лишь улыбаться, кивать и поддакивать.

Сиреневое небо платком растянулось над головой; высоко-высоко, в кислородных потоках, реют серебристые крылья белой птицы. Острый шип сожаления впивается в сердце, но я сторговываюсь с собой на том, что Вася жив и давно добрался до дома. И сейчас его мир наполнен точно таким же светом, теплом и счастьем.

От воды поднимается белый туман, сумерки сгущаются, на набережной включается подсветка. В ее причудливых оттенках Шарк превращается в сошедшего с экрана героя аниме, и я ловлю ошарашенные, полные зависти взгляды проходящих мимо девчонок...

У граффити с изображением акулы в черно-оранжевых языках пламени мы останавливаемся, и Шарк не без гордости объявляет:

— Моя работа. На фестивале стрит-арта в этом мае я взял за нее вторую премию.

— Восхитительно... — ахаю я, интуитивно понимая, что вопрос про обладателя гран-при лучше не задавать. — Любишь эту тематику?

— Обожаю! Дикая и мятежная природа. Гнев, бесстрашие, опасность, грация... — Шарк говорит с таким жаром, что можно заслушаться, накрывает мое плечо надежной ладонью и увлекает к сияющим витринам магазинов и ресторанов. — А еще акула — символ власти и превосходства над любым препятствием и соперником. Я никогда и ни перед чем не отступаю. И ничего не боюсь.

Его жизненный девиз не бьется с историей про побег из музея, но я и тут прикусываю язык. Этот парень подарил мне самые яркие и волнующие мгновения в жизни. И, что бы ни случилось, воспоминания о них никогда не померкнут.

Мы сидим под полосатым навесом уличного кафе, и Шарк, откинувшись на спинку плаستيкового стула, любит алым закатом. Солнце медленно исчезает за домиками дальнего района, усиливается ветер, от воды несет холодом, тиной и сыростью. Я мерзну, дрожу и ежусь, но упорно жую купленное Шарком мороженое. Он не спросил меня о предпочтениях, выбрал не те добавки и переборщил с шоколадом, но я с показным удовольствием ем даже ненавистную корицу.

— Ты испачкалась. Такая забавная... — Он тянется через столик, стирает подтаявшее мороженое с моих приоткрытых губ и пристально на них смотрит чернеющим, многообещающим взглядом.

Голова кружится, дыхание спирает, зубы стучат. Настолько тяжелую романтику моя неокрепшая психика, кажется, не вывозит.

К счастью, на айфон Шарка приходит сообщение. Он отвлекается от пожирания меня глазами, что-то нервно пишет и грустно вздыхает:

— Срочные дела, черт бы их побрал. Извини, мне нужно домой. Приятно было погулять с тобой, Варя. Отсюда доберешься?

Я вынырываю из волшебного сна — прямиком в мутную реальность. Моргаю, тихонько всхлипываю от разочарования, пожимаю плечами и не своим голосом пишу:

— Без проблем. На самом деле, мне тоже пора.

— Сорри. Я бы тебя подвез, но тачка в ремонте. А меня сейчас приятель подберет...

На прощание Шарк снова меня обнимает и, оставив в волосах терпкий запах полыни и сожалений, отстраняется и озорно подмигивает. Ничего не закончилось, но я больше не чувствую себя исключительной и счастливой. Помахав ему, разворачиваюсь и тащусь к остановке.

Вскоре из-за поворота вырывается комфортабельный белый автобус. Предположив, что маршрут номер три доставит меня и обратно, ныряю в теплый салон, занимаю пустое сиденье и, отключив мозг, залипаю на тупые ролики, залетевшие ко мне в рекомендации. Но спустя полчаса выясняется, что автобус едет не туда, и через две остановки — конечная.

Небо за пыльным стеклом застилают махровые, черные тучи, басовито бормочет гром, и из глубин души лезет тошнотворный, всепоглощающий ужас.

Покрепче вцепляюсь в поручень, напряженно пялюсь в темноту и вдруг вижу изумрудное свечение, сочащееся из переплетений ветвей и густой листвы. Я мгновенно опознаю жуткий сквер и, в надежде добежать до знакомой остановки и добраться домой до грозы, выскакиваю из автобуса. Но, как только оказываюсь под сенью стонущих и скрипящих деревьев, мир снаружи погружается в катастрофический, мощный ливень.

Шум дождя пробирается под кожу, миллионами паучьих лапок смыкается на горле и перекрывает кислород. Зрение искажается серой рябью, одуряющая слабость превращает тело в вату, я сейчас точно умру... Прикрываю ладонями уши, хватаю ртом воздух и судорожно оглядываюсь. По тускло освещенной аллее проносится порыв ледяного ветра, дверь музея с хлопком и воем распахивается, и я, подгоняемая смертельным ужасом, через три ступеньки вбегаю внутрь.

9

Оглушающий шум грозы тут же смолкает, грохнувшая за спиной дверь обрубаёт липкие пупальца страха, и меня поводит от мгновенного облегчения. Стираю кулаком слезы, стряхиваю мерзкие капли с одежды, дышу, дышу, дышу и... улыбаюсь.

Даже это овеванное жуткими легендами место куда уютнее, чем ливень, беснующийся за заколоченными окнами. А еще оно хотя бы предсказуемо, в отличие от дурацкой взрослой жизни с персонажами, чьи намерения непонятны, а поступки — обидны до горечи.

Я судорожно осматриваюсь и, вцепившись в ляжку верной сумки, жду нападения незримых сущностей, но ничего не происходит. Вокруг простирается огромный холл, в его глубине горит холодный дежурный свет, пахнет пылью и старостью. Торжественно колышутся тяжелые бордовые портьеры, и тени от них оживают и расползаются по стенам от каждого сквозняка.

Достаю из кармана телефон и, прищурившись, сверяюсь со временем — четверть одиннадцатого. Фантом, скорее всего, все еще тусуется у нас, и Лиза убьет меня, если я попрошу за ней приехать. Как бы там ни было, стоит сообщить ей о моем затруднительном положении. Но, как только я открываю список контактов и собираюсь набрать ее номер, телефон озадаченно тренькает, и индикатор сети исчезает.

В выставочных залах клубится непроглядная чернота, отовсюду веет тайной, которую мне жизненно необходимо разгадать. На негнущихся ногах шагаю к широкой мраморной лестнице и, словно в тумане, поднимаюсь наверх. Позолота на перилах и лепнине загадочно поблескивает, снаружи долетает отзвук грома, но древние стены надежно защищают меня от стихии, и я ускоряю шаг.

Нет здесь никаких призраков — ума не приложу, что могло так напугать сильного и смелого Шарка той ночью. В этом музее красиво, спокойно, тихо и безопасно, и мое худое тело, пережившее паническую атаку, окончательно расслабляется. Веки наливаются свинцом, одолевает зевота, и я легонько хлопаю себя по щеке. Разум работает в аварийном режиме и еле слышно подсказывает, что надо бежать, что здесь можно нарваться на маньяка или логово бездомных, но я упорно иду вперед, в крошечную темноту второго этажа. Вскоре глаза к ней привыкают.

Я различаю длинный коридор — пустые рамы на стенах, нагромождения мебели в нишах, контуры запертых дверей. За поворотом, как в зазеркалье, тянется анфилада пустых помещений, и в ее глубине на паркете лежит полоса желтого света. Нездоровое, похожее на наваждение любопытство гонит меня прямо к ней.

На цыпочках подкрадываюсь к приоткрытой подсобке, осторожно заглядываю в проем, но никого в нем не обнаруживаю и, споткнувшись о невидимый порожек, неловко заваливаюсь внутрь.

Чертыхаясь, потираю ушибленную коленку, но интуитивно понимаю: мне здесь рады... Под потолком отважно сражается с темнотой маленькая тусклая лампочка, вдоль стен удобно устроились узкие полки с баночками и склянками, в дальнем углу угадываются очертания дивана и высокого стола. У окна с плотно задернутыми портьерами виднеется широкая самодельная рамка и старинный пейзаж, растянутый поверх нее на новом холсте. Краски в верхней части работы свежи и прозрачны, но остальное полотно скрыто за слоем помутневшего лака, и изображение на нем едва угадывается. Видимо, картина на реставрации, и, когда ее восстановят, вернут в музей.

Подхожу ближе, пораженно рассматриваю яркие белоснежные облака и глубокую, насыщенную лазурь неба, и по-настоящему восхищаюсь талантами и художника, и реставратора. Но на первом этаже раздается стук распахнутой рамы, в голос воют ржавые петли, дребезжит и позвякивает стекло.

Быстро оглядываюсь и вскрикиваю от испуга: позади маячит что-то невнятное, белесое и изрядно похожее на призрака! Сердце ухает в пятки, пальцы немеют, во рту пересыхает. Но, приглядевшись, я выдыхаю и подавляю нервный смешок: судя по очертаниям, страшный призрак — всего лишь еще одна картина, кем-то заботливо завешанная простыней.

Вот уж точно: у страха глаза велики. Отличный шанс отомстить великолепному Шарку и развенчать его миф про творящиеся в музее чудеса!..

Я храбро шагаю к прямоугольнику из ткани, аккуратно приподнимаю ее краешек, и она, обдав меня прохладой и пылью, волной спадает к моим ногам. На большом, в человеческий рост, полотне я вижу смутно знакомую комнату. За окном в тюлевой дымке стеной стоит дождь, качаются черные ветви деревьев, истошно завывает ветер. Где-то на фоне громко плачет ребенок, и внезапно я узнаю на картине себя.

На мне чудные, вычурные шмотки — блестящий топ, украшенные пайетками джинсы с заниженной талией, массивные серьги в ушах, волосы забраны в хвост на макушке. Под низким потолком испуганно мечется белый голубь — видно, залетел в форточку, — и я размахиваю курткой в попытках его изгнать. По подоконнику разбросаны конфеты и семечки, ребенок орет еще громче, тянет ко мне маленькие руки и дико, до изжоги, раздражает. Не на шутку разозлившись, швыряю куртку прямо в голубя, сбиваю его на лету, подбираю с пола и крепко сжимаю дрожащее тельце в ладонях.

— Нет, отдай! Ему страшно! Не надо, не надо! — визжу и плачу... Тоже я, но отчего-то не могу подобрать нужные слова, побороться и прекратить творящийся кошмар. Качнув крылом, мой теплый пернатый товарищ исчезает в потоках ливня. Только боль, одиночество и отчаянное желание обрести друга — взрослее и сильнее меня — вырываются из груди горькими слезами, мольбами и всхлипами.

Я просыпаюсь в холодном поту. Дождь снаружи закончился, в просвет между шторами заглядывает ослепительный золотой луч. Последний кадр из сна — светловолосый маленький мальчик — улыбается мне, подмигивает и растворяется в свете солнца.

Приподнимаюсь на локтях и обнаруживаю себя лежащей на антикварном диване, под малиновым бархатным пледом с кистями. Картина у стены по-прежнему накрыта простыней, на крючке болтается белый халат, реактивы и стопки старых лаковых рам поблескивают на полках.

Я дергаюсь и заглядываю под плед, но одежда на мне застегнута на все пуговицы, в изголовье лежит моя сумка, телефон преспокойно торчит в кармане. Резко сажусь, втискиваю в кеды гудящие стопы и дрожащими пальцами его включаю. Сеть больше не барахлит, дата на экране указывает на наступление нового дня, а в оповещениях грозно мелькают сто пропущенных звонков от Лизы.

10

Тихонько поворачиваю в замке ключ, аккуратно притворяю за собой дверь и прячу заляпанные грязью кеды в обувницу. Но незамеченной все равно не остаюсь — разъяренная Лиза уже поджидает меня в прихожей и, скрестив руки на груди, принимается отчитывать:

— Понимаю, любовь-морковь, потеряли счет времени... Но... Варя, блин! А если с тобой что-нибудь случится? Мать носится с тобой как с писаной торбой и со свету меня сживет! Что за безответственность, Варь? От тебя я такого не ожидала!!! И Шарк хорош! Сашка несколько раз ему звонил, и тот тоже не удосужился взять трубку!

От упоминания Шарка на душе становится кисло. Мы провели отличный вечер, он был галантен, вежлив и совершенно неотразим, и я не знаю, есть ли у меня повод на него обижаться. Но спросить совета у Лизы — значит признаться, что я вынужденно ночевала в заброшенном музее. И, видя ее воинственный настрой, я передумываю посвящать ее в свои проблемы.

— Между нами ничего не было... — хриплю и боком просачиваюсь в свою комнату. — Началась гроза, Шарк предложил посидеть в беседке, чтобы не обламывать вас с Фантомом. Связи не было, а дождь все не кончался.

— Н-да? Не похоже на Андрея... — Лиза поджимает губы и сникает, и я интуитивно улавливаю ее раскаяние. Но обвинять ее ни в чем не собираюсь — изгоняя меня из дома, она не подразумевала, что я должна буду скитаться до утра.

Достаю из шкафа полотенце, футболку и лимонную «бомбочку» и надолго закрываюсь в ванной.

Под теплыми струями, в облаках нежной пены, нервы понемногу успокаиваются, и перед полуприкрытыми веками мелькает вчерашний день. Сногшибательно красивый Шарк и его прекрасные глаза в алом свете заката... Мерзкий, лишающий сознания ливень. Чернота, одиночество и отчаяние. Помещения музея, словно возникшие из параллельной реальности. Знакомая комната на картине. Злобная и уродливая я, выпускающая голубя в окно. И ребенок... Несчастный и слабый ребенок. Не могу разобрать, чьи именно мысли были в моей голове, но его неизбывное горе я прочувствовала всем сердцем, и оно до сих пор наливается болью.

По щекам катятся крупные слезы, и я, задержав дыхание, погружаюсь под толщу воды. Мне всего-то нужно еще раз взглянуть на загадочную картину под белой тканью. Может, морок рассеется. Или я найду ответы на свои вопросы?..

— Саша зазывает нас на двойное свидание, — ошарашивает Лиза, как только я возвращаюсь в комнату. Плюхаюсь на кровать, заворачиваюсь в плед, сушу волосы полотенцем и наблюдаю за суетящейся сестрой. Я должна быть несказанно рада предложению лидера их тусовки, но вместо этого ужасно туплю. И причина не в моей детской обиде на Шарка: я боюсь, что не выдержу тяжелую романтику в его исполнении, опозорюсь, испорчу ему настроение, и он окончательно поймет, что связался с инфантильной идиоткой.

— Я не пойду, — с поддельным равнодушием сообщаю я, деловито просматриваю семейный чат и отправляю родителям краткий отчет о наших буднях, естественно, умолчав о Лизинем госте и о заброшке. — Мне нужно поспать.

Я лукавлю, потому что отлично выспалась, и Лиза опять с подозрением на меня зыркает. И вдруг, вздохнув, выдает:

— Понимаю тебя, Варь. Не подумай ничего такого, я тоже вчера отказала Фантому. Он слишком торопит события. Мы познакомились в мае, когда он приходил в нашу школу скаутом от «Суриковки», и всего полтора месяца вместе, но он говорит, что это достаточно долгий срок... Наверное, я реально отсталая или ханжа. Но против себя пойти не могу.

На кухне шелкает включенный Лизой чайник, и мы перемещаемся за стол. Лиза ставит в его центр поднос с двумя чашками кофе и контейнер с эклерами, и мы, задумчиво поглядывая в окно, молча завтракаем.

Внизу, на закатанном в асфальт пустыре, прямо посреди детской площадки, пожилой мужчина выгуливает огромного шарпея.

— Знаешь, почему Шарк выбрал себе такой ник? — я первой нарушаю тишину и обстоятельно рассказываю про акул и их значение в искусстве и в его жизни, но Лиза качает головой и грустно усмехается:

— Фу, как пафосно, аж зубы сводит... А по-моему, его тотемное животное бежит вон там...

Проследив за ее взглядом, я оживляюсь:

— Пес? Хороший мальчик?

— Какая ты наивная, Варя... Больше не гуляй с ним по ночам.

Она долго прихорашивается перед зеркалом, надевает традиционные черные шмотки и, помахав на прощание, выпархивает в подъезд. Впервые с момента переселения я остаюсь в квартире одна, и мучительные сомнения опять берут меня в оборот.

Шарк поступил со мной плохо? Формально он ничего мне не должен, но он проявил инициативу, уделил мне время, провел интересную экскурсию, угостил мороженым. Рядом с ним я гуляла по воздуху, его парфюм благоухал райскими цветами, а каждое его слово заставляло трепетать сердце... Он нравится мне — сильно, до желания закричать, — и ради завистливых взглядов девчонок я готова терпеть любые неудобства. А то, что он не проводил меня до дома... банальное недоразумение!

«Он не предполагал, что начнется гроза, и, даже если предполагал, откуда ему знать, что я панически боюсь дождя?.. — растянувшись среди одеял и подушек, я пускаюсь в философские размышления. — Из чего мы должны исходить, когда строим с кем-то отношения? Из нашего эгоизма и мелких обид? А что, если взросление как раз и предполагает великодушие и умение прощать?..»

Зря я отказалась от приглашения Фантома. А Шарк наверняка уже скорректировал свои планы. Лиза права: вторых шансов не бывает, а я так бездумно разбрасываюсь тем, что дает мне сама судьба...

Тикают часы, монотонно капает вода из неплотно завернутого крана. Что-то шумит в батарее, и нутро скручивает привычная, ноющая тоска. Как же мне ее не хватало...

Идея смотаться в музей и получше там осмотреться зудит на подкорке, покалывает кончики пальцев и побуждает к действию. Со мной не случилось ничего страшного даже ночью, а уж сейчас, ранним вечером, бояться и подавно нечего.

Может, я познакомлюсь с реставратором и расспрошу его об авторе той пугающей картины, или он сумеет пояснить, что за комната на ней изображена... Тогда я распутаю нить ассоциаций и наконец пойму, отчего мне приснился сегодняшний странный сон.

Я не наношу макияж — собираю волосы в короткий жидкий хвостик, влезаю в худи и джинсы, вешаю шопер на плечо и смотрюсь в зеркало. Вычурный, гламурный прикид из сновидения не дает мне покоя — ни за что бы не надела такой наиву. А жестокость, с которой я избавилась от бедного голубя, списываю на проделки подсознания — я никак не прощу себе предательства Васи, и реалистичный кошмар стал моим возмездием.

Стрелки на фасаде старинного здания мэрии показывают без четверти шесть. Улицы наполнены желтым мутноватым туманом, испарениями из гигантских луж и запахом клейких тополиных почек.

Мрачный, грозный, запущенный сквер вовсе не выглядит пугающим: главная аллея пронизана оранжевыми солнечными бликами, тени от ветвей сплелись в причудливое тонкое кружево и укрыли трещины асфальта и торчащие из него корни.

Из зарослей хмеля доносятся хохот и крики, но я так воодушевлена предстоящим общением с обитателем музейной подсобки, что, забыв об осторожности, смело иду вперед. Однако на середине дорожки случается неожиданность — прямо из кустов на меня вываливается помятого вида мужик с початой бутылкой водки и сигаретой в разбитых губах.

— А вот и досуг пожаловал, пацаны! — шепелявит он и сально улыбается беззубым ртом. Из-за его плеча высовывается еще одна пропитая личность, проворно хватая меня за рукав и агрессивно предлагает пойти с ними.

Пячусь назад и в ужасе оглядываюсь, но еще двое забулдыг вырастают у меня за спиной и преграждают пути к отступлению.

— Я не пью. Отпустите меня! Я несовершеннолетняя... — умоляю я, но оловянные глаза пьянчуг не транслируют ни милосердия, ни понимания, и голос пропадает. — Кто-нибудь, помогите... Помогите мне, пожалуйста!

Крыльцо музея всего в паре метров, но я отчетливо вижу амбарный замок, висящий на наглухо запертой двустворчатой двери, и впадаю в отчаяние.

А ведь бабушка строго-настрого наказывала не гулять по сомнительным местам. Теперь же мне придется в лучшем случае пить с этими орками водку, а в худшем... Мозг коротит, и воображение отказывается выдавать омерзительную картинку.

Кто-то из них меня приобнимает, кто-то, брызгая слюной, отвечает мне комплименты и старается увести в беседку, но мои ноги подкашиваются и никуда не идут. Слабо отбиваюсь, но тут же снова оказываюсь в чьих-то крючковых лапищах, и от густого перегара к горлу подкатывает тошнота.

Из кустов чуть поодаль выныривает высокий парень в свободной голубой толстовке — широкоплечий, но стройный, с копной взлохмаченных пепельных волос. Он останавливается возле моих новоиспеченных кавалеров и спокойно оценивает обстановку.

Мы просто молча смотрим друг на друга. Но от взгляда ярко-синих, бездонных, смеющихся глаз у меня кружится голова... Прищурившись, он подходит ближе, и трясущиеся клешни кавалеров на моей талии размыкаются.

— Джентльмены... Вынужден огорчить, — не меняя позитивного настроения, объявляет парень и раскланивается. — Эта прекрасная леди пойдет со мной.

Он встает между мной и нетрезвыми «джентльменами», но разговора не получается: мучительное сомнение на их одутловатых физиономиях сменяется острой обидой и желанием немедленной сатисфакции. Парень тоже безошибочно считывает их настрой, быстро наклоняется к куче строительного мусора, зачерпывает ладонью песок и цементную крошку и молниеносно швыряет им в глаза.

Пока пьянчуги шарахаются в стороны, воют и матерятся, парень за худи тащит меня к музею, сбивает замок ребром ладони и вталкивает меня внутрь. Мы оказываемся в благословенной прохладе холла, и все проблемы остаются снаружи. Приглушенный свет льется сквозь щели в заколоченных окнах, золотит обитые бархатом стены, роскошную лепнину и мрамор, и блондинистые, растрепанные волосы моего рыцаря.

Парень садится на нижнюю ступеньку лестницы, широко улыбается, и я невольно зажмуриваюсь. Он необычный: яркий, как эти солнечные лучи, и слишком красивый. Но красота кроется не только в сочетании правильных черт: острых скул, огромных глаз и жемчужно-белых зубов. Она словно исходит изнутри и озаряет его образ еле заметным сиянием... В мозгу вспыхивает ассоциация с Хаулом из «Ходячего замка» Миядзаки, и в этот момент я с ужасом понимаю, что явно, долго и без стеснения пялюсь.

Настырные мужики, не оставив попыток меня ангажировать, а моему спасителю — хорошенько навалить, с грозными воплями поднимаются по крыльцу. Парень поводит рукой, и массивная дверь, едва удержавшись на петлях, с оглушительным грохотом захлопывается.

— Ты кто? — заикаясь, оседаю рядом с ним на теплый мрамор и трясую гудящей головой.
— Как тебя зовут?

— Тебе звать меня не придется! — смеется он и ловко забрасывает в рот подушечку мятной жвачки.

11

— Как ты это сделал? — я с трудом отвожу ошалелый взгляд от его необычного, притягательного лица, и ощущение легкой паники, азарта и восхищения отлично гармонирует с произошедшим только что сюрреализмом. Что это было? Галлюцинация от испуга? Магия? Или я просто схожу с ума?..

Но парень смахивает со лба пепельные пряди, задирает рукава на толстовке и буднично отзывается:

— Я часто гуляю по заброшкам — адреналина в жизни не хватает. Так вот: в восьмидесяти процентах случаев такие замки вешают чисто для вида. Здесь — тоже. Я и раньше так сюда проникал.

Его улыбка туманит мозг, окутывает обездвиживающим, ничем не подкрепленным ощущением доверия, тепла и уюта, но я усилием воли его подавляю.

— Я спрашиваю не о том, как ты открыл эту дверь! Как ты ее закрыл?!

— Я? — парень склоняет голову набок и невинно хлопает черными, длиннющими ресницами. — Вообще-то я сидел рядом с тобой, и закрыть ее никак не мог. Видимо, ее шарахнуло сквозняком.

Но я уже и сама понимаю: мой вопрос прозвучал максимально странно. Он действительно был далеко от дверей. Прислушиваюсь к хриплым, озадаченным голосам мужиков на крыльце и потираю пострадавшее в борьбе запястье. Если бы этот посторонний парень не вмешался, я бы, вероятно, уже умерла от омерзения в их не слишком приятной компании.

— Они скоро отвалят, отвечаю, — словно прочитав мои мысли, обнадеживает парень. — Подождем, пока у них закончится горючее и они побегут за добавкой.

Его уверенность передается и мне, и я, поправив хвостик на макушке и проверив, на месте ли телефон, решаю воспользоваться возможностью разузнать об этом месте поподробнее:

— Ты сказал, что бывал здесь раньше?

— Ага. Пару раз.

— Значит, ты видел большую картину на втором этаже? Не знаешь, кто ее автор? И что за комнату он на ней изобразил?

— Воу, воу, слишком много вопросов! — парень шутливо от меня отстраняется. — Автор — один нелюдимый, стремный тип из музея. Кажется, сейчас он или в отпуске, или смотался в командировку, или... уволился.

Он заглядывает в мои глаза, будто что-то в них ищет, а я заливаюсь душной краской и сконфуженно бурчу:

— Сегодня он точно был тут.

— Откуда инфа?

— Я здесь ночевала. Кто-то укрыл меня пледом.

Черные брови парня удивленно ползут вверх.

— Кхм. Допустим. Но даже если предположить, что это был именно он, что-то не бьется. Этот чувак — мизантроп и вряд ли проявил бы заботу... Кстати, а я не видел на том полотне никаких комнат. Получается, народ не врал? — он склоняется ко мне ближе и, обдав запахом солнца и лета, заговорщицки шепчет: — Поговаривают, что на той картине каждый видит то, что важно и дорого только ему. Или же своих собственных демонов. Если демонов в человеке скопилось слишком много, он бежит из музея со всех ног. Так гласит городская легенда.

Его горячее дыхание приятно щекочет шею, я опять уплываю и резко вонзаю ногти в сжатую ладонь.

— Вот как? — почему-то вспоминается Шарк и его поспешная эвакуация отсюда, но размышлять о нем прямо сейчас мне не хочется. — А что на картине рассмотрел ты?

Парень сникает и подозрительно долго подбирает слова:

— Девчонку, которая меня отшила. Точнее... ту пустоту, которая после нее осталась в душе.

Он облокачивается на ступеньку и задумчиво постукивает длинными пальцами по мрамору, и от его внезапной искренности я окончательно тушуюсь. Рядом со мной сидит умопомрачительный красавчик со шрамами на сердце, а еще он явно старше и мудрее меня... Но непреодолимой стены, вырастающей внутри при общении с Шарком, все равно не возникает. Словно мы с этим парнем — близкие родственники. Или давние, закадычные друзья.

— Мы случайно не виделись раньше? — на всякий случай уточняю я, и он, чуть прищурившись, снова вперяет в меня ярко-синие глаза. За несколько долгих секунд я покрываюсь мурашками, забываю дышать, превращаюсь в желе, отрываюсь от пола и парю... Но он лишь загадочно выдает:

— Если скажешь мне свое имя, я обязательно тебя вспомню.

Волна глупой, но пронзительной надежды накрывает с головой, хотя я все еще отдаю себе отчет: у меня, с моими «тепличными условиями», нет и не могло быть таких друзей. И я, не скрывая досады, представляюсь:

— Варя!

Он кивает и, продолжая пялиться на мой профиль, тихо произносит:

— Юша...

Я дергаюсь и не верю собственным ушам.

— Чего? Что ты сейчас сказал?!

— Я сказал, Варюша, — отмирает парень, но из его расширенных зрачков веет неподдельной, ужасающей грустью. — Разве это не твое имя? При знакомстве я всегда произношу имена вслух, чтобы запомнить их наверняка. А хочешь, глянем на ту картину еще раз? Чтобы убедиться, что мы не сумасшедшие?

Он быстро встает, с легкостью преодолевает по две ступеньки за шаг, и я почти сразу безнадежно отстаю. Впереди в полумраке мелькает лишь его приметная толстовка, и я, как замороженная, плетусь за ней через анфиладу бесконечных, прошитых тонкими солнечными лучами залов. Я будто в бреду — явь слишком похожа на сон, тело не слушается, восприятие работает по-другому.

Нагоняю парня лишь на подступах к подсобке и, ввалившись следом, вижу полки с реактивами, стол, диван, сложенный мною плед, растянутую на холсте старинную работу неизвестного автора и прямоугольник простыни у стены. Ни намек на наличие жизни.

— Готова? Поехали! — парень ангельски улыбается, одним движением сдергивает с картины ткань и, пропустив меня вперед, отступает. В обрамлении рамы действительно не наблюдается ни тесной типовой комнаты, ни испуганного голубя, ни плачущего ребенка. Только хаотичные ломаные линии, света и тени, и странное смешение холодных и теплых оттенков.

— Мазня какая-то, — разочарованно констатирует парень. — Пошли отсюда. Зачем ты вообще сюда заходила?

— Я испугалась дождя.

Мы вырливаем в коридор, и парень, оглянувшись, насмешливо тянет:

— Нашла чего бояться! Дождь не страшный... — и звонкий, усиленный эхом детский голос в моей голове ему вторит: «Дождь добрый — он хранит наши тайны и прячет слезы...»

Ворох невнятных, полустертых, но болезненных воспоминаний взвизгивает из подсознания, и я, схватившись за перила, следом за парнем в три прыжка спускаюсь в холл.

Поравнявшись с заколоченным окном, тот выглядывает в щель между досками и усме-
хается:

— Донжуаны ушли. Я уже никуда не тороплюсь, так что провожу тебя, куда скажешь.

Он довольно легко справляется с массивной деревянной створкой выхода, и мы, поеживаясь от прохладного ветра и сырости, выходим в ранний июньский вечер.

Тени ветвей сплелись плотнее, в дальних зарослях клубится синяя, почти ночная темнота, но за пределами заколдованного сквера еще светло: уставшее солнце катится к закату, розовое небо подернулось сумерками лишь у горизонта, над дальней автострадой и домиками спальных районов. Парень молча идет рядом — нам, в общем-то, не о чем говорить, — но осознание, что через несколько десятков метров мы расстанемся, отчего-то до жути расстраивает.

— Ты будешь в музее, если я снова приду? — робко пишу я, и он, усмехнувшись, качает головой:

— Нет, приходить в музей точно не стоит. Это опасно, без шуток! И не только из-за пьянчуг. В здании целое крыло признали аварийным.

— Ты ведь куда-то опоздал из-за меня? — я хватаюсь за воображаемую спасительную соломинку и не унимаюсь: — Я должна отблагодарить тебя за спасение и возместить моральный ущерб! Что ты любишь?

— Мороженое в гигантском рожке, — он хитро на меня косится и вдохновенно загибает пальцы: — С посыпкой из маршмеллоу, кокосовой стружки и орехов. С кленовым топпингом. И клубникой.

— Я запомнила. Я тоже это люблю!

Он просто на меня смотрит, и из-под ног уезжает земля...

Мы встаем под пластиковым навесом остановочного павильона. Из-за поворота показывается мой автобус и, поравнявшись с нами, зазывно распахивает двери. Цепляюсь за поручень, нашариваю в кармане пластиковую карту и поднимаюсь на среднюю площадку, а новый знакомый остается снаружи.

— Так как я смогу тебя найти? — спохватываюсь я, но поток пассажиров напирает и оттесняет меня в глубину салона. Однако я отчетливо слышу его громкое:

— Я с тобой, пока я тебе нужен.

Резко оглядываюсь, но парень, недоуменно хлопнув ресницами, тем же тоном повторяет:

— Говорю: осторожно, не наступи в лужу! — и кивает на озерцо из дождевой воды на дороге.

Двери закрываются, автобус начинает движение, и центральная улица затягивает меня в тоннель из только что проснувшихся фонарей, старинных особнячков и густых деревьев.

Парень машет мне на прощание, широко улыбается и отправляет воздушный поцелуй, и эта сцена вызывает в душе океан непередаваемых эмоций. Невероятная внешность, синие глаза, широченная светлая улыбка... Грохот сердца в груди и шум летнего дождя в ушах.

Я как одержимая верю во взаимную любовь с первого взгляда, но ровно до тех пор, пока парень, развернувшись, не скрывается в предвечерней городской дымке. А я испытываю острейшее сожаление и с ужасом осознаю, что больше никогда его не увижу.

Он спас меня от больших неприятностей, заболтал, чтобы отвлечь от испуга... Очаровал, вывел из равновесия. И ушел, не оставив контактов, координат и надежды на продолжение.

12

Меня распирает от желания хоть с кем-нибудь поделиться произошедшим, но Лиза еще не вернулась, и вряд ли она с позитивом воспримет мой обман и похождения по музею в компании самого странного типа в этой вселенной. Сияющего, смешливого, резкого и немного пугающего...

Чем дольше я о нем думаю, тем сильнее, до чертиков, хочется плакать. Я скучаю, хотя невозможно скучать по человеку, с которым познакомилась на улице и прообщалась всего пару часов. Однако ощущение спокойствия, уверенности, безопасности и веселья в его присутствии и острой, горькой потери — от расставания с ним — наводит на мысли, что я, кажется, не в себе.

Ох уж это дурацкое томление и предчувствие любви! Я так мучительно ее жду, что готова запасть на первого встречного.

Плетусь на кухню, достаю из шкафа под раковиной десяток картофелин, старательно счищаю кожуру и нарезаю их тонкой соломкой.

Бабушка не подпускала меня к плите, боялась, что я себе наврежу, но жареную картошку я обожаю, и, когда Варвары Степановны не стало, научилась готовить сама.

Я опять пускаюсь в воспоминания о прошлом, но с удивлением обнаруживаю, что ничего яркого и значимого в нем никогда не было. Мои мечты, стремления и эмоции были поставлены на отложку, а сама я словно состояла из разрозненных пазлов, изрядная часть из которых давно потерялась, и целое из них не складывалось.

В очередной раз перемешав свой кулинарный шедевр, выключаю под ним газ, накрываю крышкой и иду в комнату папы и Анны. Там прохладно и уютно, а в полоске между неплотно задернутыми шторами розовеет кусочек вечернего неба. В углу у прикроватной тумбочки притаились коробки, привезенные нами из старой квартиры. Папа в шутку называет себя бытовым инвалидом, и эти коробки могут простоять так годами, если, конечно, предприимчивая Анна не возьмет инициативу в свои руки и не наведет тут порядок.

Но я хочу, чтобы папа оставался для нее идеальным, и сама приступаю к «разбору завалов».

Зажигаю свет, сажусь на пол и вытаскиваю из нагромождения верхнюю коробку. В ней обнаруживаются давно оплаченные счета, документы, бабушкин архив в пухлой картонной папке и толстый пакет с фотографиями.

Пахнет пылью, прошлым и старой бумагой.

Кадры на фотографиях я помню в мельчайших деталях: на них я — от ползункового возраста и похода в первый класс до окончания художки, — а рядом неизменно отец и бабушка. Но по ним не складывается целостная история моей жизни. А еще я вдруг осознаю, что ни на одном снимке нет моей мамы. Ее нет вообще — ни на фото, ни в полустертых картинках в моей голове. Может, потому мои извечные тоска и растерянность так сильны...

Погрузившись в раздумья и однообразное переключивание бумаг из стопки в стопку, я не сразу замечаю, что в проеме стоит румяная, довольная Лиза.

— Ну как, выпалась? — она плюхается на кровать, забирает у меня пару фоток и с интересом рассматривает. — Это Женечка? Надо же, а когда-то он был симпатичным.

— Он почти не изменился! — протестую я, но она, усмехнувшись, тут же перескакивает на другую тему:

— Как же здорово мы сегодня провели время!.. В который раз убеждаюсь: Саша в компании и Саша наедине со мной — два разных человека. Кстати, а Шарк, кажется, сильно расстроился из-за твоего отказа. Сидел на скамейке один и страдал. Бедняга... Не слишком ли резко ты его продинамила?

Меня опять терзают сожаления и вина — напрасно я поступила с ним так. Но если бы он сам мне позвонил, я бы прибежала к нему в любое время суток.

— Лиза... — я со вздохом убираю коробку назад. — Иногда мне кажется, что я не пропускаю правил игры. Если анализировать его поведение разумом, у меня нет и не может быть к нему претензий. Но к этому постоянно примешиваются мои эмоции, и с ними что-то не так. Мне не понравился один его вчерашний поступок. Да ты и сама говорила, что мне стоит быть с ним поосторожнее.

Лиза озадаченно моргает, прищуривается и качает головой:

— Я так говорила? Брось. Главное — не какую роль он играет на людях. Главное — какой он с тобой. Все ошибаются, но ты же не будешь спорить — Шарк умеет быть милашкой.

Я рано уйду спать, и словно сквозь слои ваты слышу, как Лиза на кухне уплетает картошку, болтает по телефону с Фантомом и пеняет ему, что его страдающий дружок передо мной накосячил и не додумался извиниться лично. А потом за окном начинается тихий дождь, и во мраке маленькой, давно знакомой комнаты появляется силуэт.

«Не бойся, Юша, дождь не страшный...»

Я действительно не боюсь, потому что это видение прекрасно, и я наконец четко различаю лицо, которое много раз силилась рассмотреть... Смеющиеся синие глаза похожи на звезды. А сияющая улыбка прогоняет кошмары и до рассвета оберегает мои сны.

Утреннюю тишину сотрясают басы любимой песни Лизы и мелодичное гитарное соло. Вздрагиваю и, выругавшись, разлепляю веки, но злость мгновенно улетучивается — сестра протирает со стеллажей пыль, пританцовывает и красивым, поставленным голосом подпевает вокалисту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.